

и формализованные требования к медиатору. Опыт Грузии может представлять интерес для дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в части внедрения элементов саморегулирования и расширения сферы применения судебной медиации.

Список использованных источников:

1 О медиации: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: в ред. Закона от 17 июля 2023 г., № 292-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).

2 О медиации: Закон Грузии, 18.09.2019 г., № 4954-Пв: в ред. Закона от 22.06.2021, № 667 // Медиация Европа-Азия | Законодательство, медиаторы, аналитика. – URL <https://mediation-eurasia.pro/zakonodatelstvo/zakon-gruzii-o-mediaci/> (дата обращения: 07.04.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОПУСТИМОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ГЕРМАНИИ

Мороз О.Л.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр юридических наук

Ловинская У.И.,

студентка юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Цифровая трансформация общественных отношений объективно обуславливает необходимость адаптации процессуального законодательства к широкому использованию электронных доказательств. Развитие информационных технологий, цифровизация документооборота и распространение электронных коммуникаций существенно изменяют характер доказательственной базы в гражданском процессе.

В Республике Беларусь с принятием Кодекса гражданского судопроизводства от 11 марта 2024 г. электронные доказательства получили легальное закрепление в качестве самостоятельного средства доказывания, что свидетельствует о модернизации национальной процессуальной системы. В Германии, обладающей устойчивой и развитой судебной практикой, соответствующие положения давно интегрированы в Гражданское процессуальное уложение и активно применяются судами.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в подходах к допустимости электронных доказательств в гражданском процессе Германии и Республики Беларусь, а также в определении перспективных направлений совершенствования белорусского законодательства с учётом зарубежного опыта.

Германское процессуальное законодательство не выделяет электронные доказательства в отдельный вид средств доказывания. § 371a ГПУ регулирует доказательственную силу частных электронных документов, имеющих квалифицированную электронную подпись (далее – КЭП), указывая, что к ним соответственно применяются положения о доказательственной силе частных документов [2]. Официальные электронные документы приравниваются по силе к официальным документам на бумажном носителе [2]. Белорусский законодатель, напротив, пошел по пути выделения самостоятельного средства доказывания. Согласно ст. 199 КГС, электронными доказательствами являются сведения о фактах, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет [1]. Это свидетельствует о признании их специфической правовой природы.

Ключевым критерием допустимости в обоих государствах выступает наличие квалифицированной электронной подписи. § 371a(1) ГПУ Германии устанавливает презумпцию подлинности заявления, подписанного КЭП, которая может быть оспорена только фактами, обосновывающими серьезные сомнения [2]. В Республике Беларусь данный вопрос детально урегулирован специальным законом. В соответствии со ст. 20 Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» оригинал электронного документа существует только в электронной форме, а все идентичные экземпляры имеют равную юридическую силу при подписании электронной цифровой подписью (далее – ЭЦП) в период действия сертификата ключа проверки подписи [3]. Часть 2 ст. 200 КГС развивает это положение, обязывая лиц, представляющих электронные доказательства, указывать формат записи, а также технические средства и программное обеспечение, необходимые для ее воспроизведения [1]. Документ с недействительной или просроченной подписью не может быть признан допустимым доказательством, что прямо вытекает из системного толкования норм КГС и Закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи».

Новеллой германского законодательства является § 371b ГПУ, посвященный доказательственной силе сканированных официальных документов. Если публичный орган власти или наделенное публичным доверием лицо технически перевело официальный документ в электронную форму и имеется подтверждение, что электронный документ по виду и содержанию совпадает с оригиналом, то к такому электронному документу соответственно применяются правила о доказательственной силе официальных документов [2]. При этом если документ и подтверждение имеют квалифицированную электронную подпись, применяется § 437 ГПУ о подлинности официальных документов. Белорусский КГС в ст. 200 устанавливает, что электронные доказательства представляются в подлиннике или в копии, удостоверенной в порядке, установленном законодательством [1], однако специальной нормы о сканированных копиях официальных документов, подобной германской,

пока не содержит. Восполнение этого пробела видится перспективным направлением развития белорусского процессуального права.

И в Германии, и в Беларуси суд вправе привлекать экспертов и специалистов для исследования электронных доказательств. § 372 ГПУ Германии предусматривает, что суд, рассматривающий дело, может вынести постановление о привлечении к осмотру доказательств одного или нескольких экспертов, а также поручить проведение осмотра одному из своих членов или другому суду [2]. Статья 201 КГС Беларуси более детально регламентирует эту процедуру. При отсутствии у суда необходимых для исследования электронного доказательства оборудования и (или) программного обеспечения суд предлагает лицу, представившему электронное доказательство, предоставить такие оборудование и (или) программное обеспечение [1]. Особого внимания заслуживает ч. 3 ст. 201 КГС, устанавливающая, что при исследовании электронных доказательств, требующих введения паролей, кодов, графических ключей, операции по доступу осуществляются представившим его лицом без оглашения идентификационных данных в судебном заседании [1]. Это правило обеспечивает баланс между необходимостью исследования доказательства и защитой конфиденциальной информации.

Отдельного внимания заслуживает институт медицинского обследования, закрепленный в германском ГПУ. § 372а устанавливает, что любое лицо должно пройти обследование, в том числе сдать кровь, если только указанное обследование не окажется чрезмерно обременительным для него [2]. При повторном необоснованном отказе от обследования может быть применено прямое принуждение, в частности, принудительный привод для проведения обследования [2]. В белорусском КГС аналогичной общей нормы о принудительном медицинском обследовании лиц, участвующих в деле, не содержится, что объясняется различиями в подходе к неприкосновенности личности в гражданском процессе двух государств.

Важным сходством является закрепление обязанности стороны представить находящиеся у нее доказательства. § 422 ГПУ Германии устанавливает, что противная сторона обязана представить документ, если доказывающая сторона в соответствии с положениями гражданского права может потребовать выдачи или предъявления документа [2]. Ходатайство о представлении документа должно содержать наименование документа, указание фактов, подлежащих доказыванию, возможно полное изложение документа, обстоятельства нахождения документа у противной стороны и основание обязанности его представить [2]. Аналогично ст. 180 КС Беларуси предусматривает, что, если доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, недостаточно, суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства, а при невозможности самостоятельного получения – содействует в истребовании [1]. Последствия непредставления также схожи. Согласно § 427 ГПУ Германии, если противная сторона не выполнит постановление о представлении документа, то копия документа может рассматриваться как достоверная, а при отсутствии копии – утверждения доказывающей стороны

о содержании документа могут считаться доказанными [2]. Часть 4 ст. 200 КГС Беларуси устанавливает, что если подлинник электронного доказательства не представлен, а достоверность копии оспаривается, такое доказательство не может быть принято судом [1].

Кроме того, § 444 ГУ Германии предусматривает специальное правило: если одна из сторон с намерением не допустить использования документа противной стороной изъяла или сделала его непригодным к использованию, то утверждения противной стороны о состоянии и содержании документа могут считаться доказанными [2]. В белорусском КГС подобная норма прямо не закреплена, однако она может выводиться из общих принципов добросовестности и процессуальной ответственности. Представляется, что законодательное закрепление подобного правила в КГС. Республики Беларусь способствовало бы усилению охранительной функции правосудия.

Сравнительный анализ показывает, что германское законодательство отличается более глубокой и детализированной регламентацией технических аспектов работы с электронными доказательствами, включая процедуры сканирования, проверки электронной подписи, а также правила сопоставления почерков, реквизитов и иных идентификационных признаков документов. В то же время белорусское законодательство характеризуется концептуальным подходом, выражающимся в выделении электронных доказательств в самостоятельную категорию, с одновременным более развернутым регулированием процессуального порядка их исследования и оценки в судебном заседании.

При сходстве базовых подходов к допустимости доказательств (презумпция подлинности документа, подписанного КЭП, обязанность представления доказательств сторонами, возможность привлечения специалиста для их исследования) можно констатировать наличие потенциала для дальнейшего совершенствования национального регулирования. В частности, перспективным направлением развития КГС Республики Беларусь представляется заимствование германского опыта в части более детальной правовой регламентации статуса и доказательственного значения сканированных официальных документов, а также уточнение и конкретизация правовых последствий умышленного сокрытия, искажения либо уничтожения электронных доказательств, что будет способствовать повышению эффективности правоприменительной практики и укреплению процессуальных гарантий.

Список использованных источников:

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: принят Палатой представителей 31 января 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февраля 2024 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).
2. Гражданское процессуальное уложение Германии: вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению: пер. с нем. / [сост. В. Бергманн]; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 472 с.
3. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь, 28 декабря 2009 г. № 113-З: в ред. Закона от 14 октября 2022 г. № 213-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.04.2026).